

Eyforis Lurt

Сундучок Сказок

«Автор»

2026

Lurt E.

Сундучок Сказок / Е. Lurt — «Автор», 2026

Настоящая сила — не в том, что ты носишь, а в том, что ты готов отпустить.
Настоящая красота — не в цвете, а в свете изнутри. Настоящая храбрость —
не в отсутствии страха, а в желании защитить другого. А настоящая дружба —
это всегда быть рядом, даже когда мир говорит тебе, что ты должен быть один.

© Lurt E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оливер-Койот и Радио Пустыни	5
Эльза-Панда и Ледяной Лабиринт	10
Артур-Барсук и Карта из Снов	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Eyforis Lurt

Сундучок Сказок

Оливер-Койот и Радио Пустыни

Часть 1. Эхо, которому некому ответить

Пустыня Мохаве никогда не прощает тех, кто ищет компанию. Она дарует только миражи. Оливер-Койот знал это лучше, чем кто-либо. Его шерсть, выгоревшая до пепельно-серого оттенка, пахла солью и пылью, а подушечки лап потрескались так сильно, что каждый шаг по раскаленному песчанику отдавался тупой пульсирующей болью. Но Оливер терпел. Он терпел жару, терпел голод, терпел одиночество, потому что считал это платой за право быть.

Каждую ночь, когда оранжевый диск солнца касался горизонта и небо начинало переливаться лиловым индиго, Оливер забирался на самый высокий бархан, запрокидывал голову к звездам, которые начинали проступать сквозь пелену вечернего марева, и издавал вой. Это не был обычный вой. Это была песня.

Но эхо, возвращаясь к нему из каньонов Красной Скалы, звучало все более безжизненно с каждым месяцем. Сначала эхо игриво перебрасывалось между утесами, создавая иллюзию целой стаи. Оливеру казалось, что его окружают братья и сестры. Но со временем ветер растаскал звуки. Эхо стало плоским, монотонным — словно кто-то включил запись старого диска и забыл ее выключить. Оливер понимал: эхо лишь передразнивает его. Оно не спрашивает, как прошел день, не предупреждает о приближении песчаной бури, не делится находкой свежей туши.

Он шел вдоль русла пересохшей реки, которую индейцы когда-то называли «Река Скорбящих». Вода ушла из нее сотни лет назад, оставив после себя только растрескавшуюся глину, похожую на кожу древнего ящера. Оливер брел, низко опустив голову, когда его нос уловил странный запах. Пахло не органикой — не гниющим кактусом или мертвым грызуном. Пахло металлом, озоном и чем-то чуждым, холодным, хотя вокруг была адская жара.

Оливер свернул к подножию бархана, который местные ветра сформировали в форме пологой волны. И там, наполовину погруженная в сыпучую массу, лежала она. Тарелка. Спутниковая антенна диаметром метра три, с облупленной белой краской, которая слезла хлопьями, обнажая ржавый, но все еще крепкий алюминий. Рядом с антенной валялся перегоревший трансивер с выбитым стеклом и клочок кабеля, который, казалось, уходил прямо в недра планеты.

Оливер настороженно обошел находку по кругу. Антенна была похожа на гигантский цветок, упавший с неба. Он ткнул носом в металлическую ножку — и в этот момент динамик трансивера, который лежал в песке, вдруг издал долгий, пронзительный электронный писк. Оливер отскочил, оскалив зубы. Но звук не был угрожающим. Это была статика. Белый шум. Монотонный шипящий голос пустоты, который был даже более одиноким, чем собственное эхо койота.

Оливер сел на песок и завыл в ответ на статику. И ему показалось — всего лишь на одно короткое, безумное мгновение, — что статика подстроилась под тон его голоса.

Часть 2. Теоретик в маске суриката

Наблюдение за странным псом, который воем на железный цветок, длилось уже два часа. Стэнли — сурикат, получивший свое имя в честь сэра Генри Мортон Стэнли, африканского исследователя, которого он, конечно же, никогда не читал, но считал себя его духовным наследником, — стоял на задних лапах, прикрыв глаза от солнца ладошкой.

Стэнли был не просто сурикатом. Он был инженером-самоучкой. Когда-то, еще щенком, он нашел в заброшенном трейлере старую книжку по радиотехнике. Страницы выпцвели, а буквы расплылись от влаги, но Стэнли запомнил главное: мир пронизан волнами. Радиоволны проходят сквозь стены, сквозь горы, сквозь живые тела. Это значило, что, даже когда вокруг тебя никого нет, ты просто настроен не на ту частоту. Эта мысль спасла его от безумия.

— Ты слишком громкий для такого маленького приемника, — пискнул Стэнли, подходя ближе. Он говорил с легкой картавостью, потому что его передние зубы были сточены о жестяные банки.

Оливер вздрогнул и обернулся. Он редко видел сурикатов так близко. Обычно они прятались в норы, стоило койоту появиться на горизонте. Но этот был странным — он не убегал. Он смотрел на антенну с вожделением коллекционера.

— Ты знаешь, что это? — спросил Оливер, кивая на тарелку. Голос у койота был низким, хриплым, словно он проглотил горсть гравия.

— Знаю, — ответил Стэнли, запрыгивая на край антенны и деловито осматривая коннекторы. — Это «Радио Пустыни». Ну, или то, что от него осталось. Говорят, лет тридцать назад через него передавали музыку для дальнбойщиков, которые пересекали Мохаве. А потом спутник упал, и канал замолк. Но если верить моим расчетам, здесь спрятан усилитель сигнала. Видишь эту вмятину? Она не от удара — это сделано специально, чтобы фокусировать волны в определенную точку.

Оливер прищурился. Он ничего не понимал в волнах и вмятинах. Он понимал только одно: если этот маленький полосатый зверек так увлечен железкой, значит, она может дать что-то важное.

— Я ищу Волну Других, — сказал Оливер, чувствуя себя глупо, но продолжая. — Голоса, которые не мои. Я хочу знать, что там, за горизонтом. Есть ли кто-то еще, кроме меня и эха.

Стэнли фыркнул, вытаскивая из песка сломанный штекер.

— Другие? Друг, да тут даже сигнал сотовой связи не ловится с 2004 года. — Он почесал затылок, разглядывая потенциометры на трансивере. — Но... есть одна теория. Если мы совместим эту антенну с моим старым резонатором, который я храню в норе, и направим тарелку строго на юго-восток, мы можем поймать отраженный сигнал от старого зонда «Викинг». Он не работает, но его корпус все еще вращается на орбите Венеры. Отражение — это не музыка, но это чужой голос. Космос.

Стэнли говорил об этом так, будто приглашал соседа на чай. Для него это было понятно и просто. Для Оливера же слова «орбита», «Венера» и «зонд» звучали как заклинания. Но он согласился. Впервые за долгие годы у него был собеседник. Пусть и картавый, пусть и маленький, но живой.

Они принялись за работу. Оливер, используя мощные челюсти, вытаскивал антенну из песка, пока Стэнли, как заправский дирижер, крутил болты, поправлял отражатель и подключал оголенные провода к самодельному резонатору, который он притащил из своей норы в старой жестяной банке из-под фасоли.

Часть 3. Шум вместо музыки

Восемь часов работы под палящим солнцем почти докончили обоих. Оливер дважды проваливался в зыбучий песок рядом с основанием антенны, а Стэнли потерял свой любимый гаечный ключ (которым служил скрепленный кусок проволоки), но они сделали это. Антенна была установлена вертикально, ее тарелка смотрела в то самое юго-восточное небо, где, по расчетам Стэнли, отражался сигнал.

— Давай, — скомандовал Стэнли, подкручивая ручку частоты с таким трепетом, будто открывал саркофаг фараона. — Сейчас все будет.

Сначала ничего не было. Только шипение. Шипение, напоминающее шипение раскаленного масла на сковороде. Оливер прижал ухо к динамику, чувствуя, как вибрирует мембрана.

— Я не слышу музыки, — разочарованно сказал он.

— Терпение, — прошипел Стэнли. — Мы ищем не музыку. Мы ищем отклик. Есть разница.

И вдруг наступила тишина. Абсолютная, осязаемая тишина, которая бывает только в пустыне, когда затихает даже ветер. А затем динамик взорвался какофонией. Это не была мелодия. Это был звук, похожий на скрежет металла по камню, на хрип умирающего мотора, перемешанный с треском электрических разрядов. Но сквозь этот хаос пробивался... голос.

Это был не человеческий голос. Он был низким, механическим, с частыми провалами в тоне. Голос повторял одни и те же слоги, словно заевшая пластинка.

«...пом-ги-те... не-сок... гру-но... я зад-ха-юсь...»

Оливер шерсть встала дыбом. Он посмотрел на Стэнли. Сурикат побледнел (насколько может побледнеть сурикат). Он проверил антенну, проверил резонатор — все работало идеально.

— Это не может быть отражением от зонда, — прошептал Стэнли. — Зонды не говорят на нашем языке. Это... это земной сигнал. Он идет снизу.

Стэнли указал острой лапкой вниз, в песок, прямо под их ногами.

— Под нами? — переспросил Оливер. — Под нами ничего нет, только камень.

— Нет, — Стэнли сглотнул, его маленькое горлышко дернулось. — Под нами — старый туннель метро. Его построили в 60-х для военных целей, потом забросили и засыпали. Если здесь есть полость...

Голос в динамике снова повторил фразу, и на этот раз в ней послышались нотки агонии.
«...я вижу свет... нет, это тьма... сжальтесь...»

Оливер отпрянул от приемника. Его охотничий инстинкт боролся с чувством страха. Голос зывал о помощи. И, в отличие от эха, этот голос был реальным. Кто-то, или что-то, находился глубоко внизу, запертый в каменном мешке.

— Мы ничего не сможем сделать, — зачастил Стэнли, начав беспокойно перебирать лапами. — Это ловушка. Или радиопомеха. Или, или... мы перегрели транзисторы!

Но Оливер не слушал. Койот подошел к тому месту, куда указывала антенна, и ткнул носом в песок. Под верхним горячим слоем песок был чуть влажным — признак того, что где-то глубоко есть воздух, который поднимается наверх, конденсируя остатки влаги.

Оливер начал копать.

Часть 4. Песок, кровь и статика

Это было безумие. Койот, весящий около тридцати килограмм, с голодным желудком и пересохшим горлом, начал рыть землю. Он рыл с такой яростью, будто под песком был спрятан источник вечной жизни. Его лапы сдирали верхний слой спекшейся корки, острые когти скребли по глине и мелкому гравия.

— Остановись! — кричал Стэнли, прыгая вокруг. — Ты провалишься! Ты разрушишь структуру почвы, и нас обоих засыплет!

Но Оливер рычал в ответ. Он слышал голос. С каждым слоем песка, который он отбрасывал назад мощными ударами задних лап, голос становился все отчетливее, даже без помощи динамика. Койот чувствовал вибрацию в костях. Где-то там, внизу, билось чье-то огромное, усталое сердце.

Стэнли, видя, что слова не действуют, смирился. Он схватил крышку от банки и начал помогать, выбрасывая песок наружу, как маленький экскаватор. Вдвоем они работали быстрее. Спустя два часа непрерывного копания образовалась глубокая яма. И в ней Оливер нащупал твердую поверхность. Он обгреб песок — это было старое, побитое коррозией, но все еще крепкое железо. Вентиляционная решетка.

— Я знал это, — выдохнул Стэнли. — Это выход из бункера. Слушай...

Они припали ушами к решетке. Снизу доносилось не только механическое хрипение (которое теперь они понимали как дыхание), но и тяжелый, скрежещущий кашель. Кашель большого, старого животного.

— Верблюд, — сказал Оливер. — Это верблюд.

Верблюды были для него обычной пищей. Он мог бы перегрызть горло любому из них, если бы был голоден. Но сейчас, глядя в решетку, слыша этот надрывный кашель, Оливер чувствовал лишь жалость.

— Стэнли, твои зубы тоньше моих. Просунь их в щель и попробуй сдвинуть болты.

Сурикат, несмотря на свой страх высоты и темноты, подчинился. Он просунул свои длинные, острые, как иглы, резцы в отверстия ржавых болтов и начал их выкручивать. Было трудно. Пахло железом и потом. Но через двадцать минут решетка поддалась.

Оливер схватил ее зубами и рванул назад. Тяжелая металлическая конструкция с грохотом упала в песок, открывая черный зев колодца.

Из глубины поднялся запах спертого воздуха, навоза и старой шерсти. И там, метрах в пяти внизу, они увидели два тусклых, желтых глаза. Верблюд был огромен. Он стоял в колодце, согнув передние ноги, его горб обвис, а бока втянуты так, что были видны все ребра.

Он посмотрел на койота и суриката не как на врагов. Он посмотрел на них как на спасителей.

— Держись! — крикнул Оливер и, не раздумывая, прыгнул вниз.

Удар пришелся на плечи, но койот устоял. Он оказался лицом к морде верблюда. Запах его дыхания был ужасен, но Оливер не отшатнулся. Он уперся головой в бок верблюда, пытаясь подтолкнуть его вверх.

— Толкай, Стэнли! Толкай его сверху, за горб!

Сурикат, который отказывался лезть в эту зловонную яму, взял в зубы длинный кусок кабеля, перебросил его через горб и, упираясь ногами в песок, начал тянуть.

Это была агония. Верблюд хрипел, его огромное тело не слушалось. Оливеру казалось, что его собственный позвоночник сейчас сломается от напряжения. Шерсть койота намочила от пота и грязи. Но он не сдавался. Он подталкивал верблюда задними ногами, цепляясь когтями за скользкую стену колодца, показывая все чудеса звериной силы.

Наконец, с глухим утробным стоном, верблюд перевалил через край ямы и повалился на песок. Он лежал, широко открывая рот и жадно втягивая свежий, пахнущий ветром воздух. Оливер выскочил следом, тяжело дыша, и рухнул на колени рядом с гигантом.

Часть 5. Голос в эфире

Прошло полчаса, прежде чем верблюд пришел в себя. Он медленно поднялся на ноги, пошатываясь, и с удивлением уставился на своих спасителей. В его глазах стояла такая глубокая усталость и мудрость, что Оливеру стало не по себе.

— Ты... ты говорил? — спросил Оливер. — По радио?

Верблюд медленно качнул головой, и из его горла вырвался звук, похожий на скрежет старых динамиков — точь-в-точь тот звук, который они слышали. Он не мог говорить, как они. Но его дыхание, проходя через сложную систему пазух и носоглотки, создавало вибрацию, которая попадала в резонатор антенны. Его хрипы были той самой статикой.

Стэнли внезапно рассмеялся. Это был нервный, истерический смех.

— Мы искали «Волну Других», — сказал он, указывая на верблюда. — Мы думали, что это космос, что это спутники, зонды... А это был просто он. Он провалился в старый туннель неделю назад, когда искал воду. И его стоны отдавались в вентиляции, искажались и передавались через нашу антенну, потому что мы настроили ее на частоту его вибрации!

Верблюд, не понимая ни слова из этой научной тирады, осторожно наклонил голову и лизнул Стэнли. От этого слюнявого прикосновения сурикат заверещал, но в голосе его слышалась благодарность.

Оливер стоял и смотрел на пустыню. Солнце клонилось к закату, и красный свет заливал барханы. Рядом с ним стоял верблюд, который, возможно, был его обедом, но стал его другом. Под ногами возился умный сурикат, который знал про волны больше, чем все койоты на планете.

Оливер подошел к приемнику. Статика все еще шипела. Он протянул лапу и выключил его. Наступила тишина. Но это была не одинокая тишина. Это была тишина, заполненная дыханием трех существ.

— Я понял, — сказал Оливер, глядя на горизонт. — Я думал, что мой голос — это инструмент для поиска. Но мой голос — это подарок. Я выл, чтобы меня нашли. Но когда я слушал... я услышал того, кому помощь нужнее.

Верблюд вздохнул, и это было похоже на раскат грома вдалеке.

Оливер больше никогда не настраивал антенну. Иногда, когда ему становилось слишком тоскливо, он забирался на бархан и выл. Но теперь, после его воя, эхо не было пустым. Потому что с другого конца пустыни ему отвечал низкий, гудящий бас верблюда, который спасся. А рядом со звонким, залиvistым свистом, на который способен только сурикат.

Оливер понял: дружба — это не частота, которую ищут. Это отклик, который дарят. Иногда достаточно просто прислушаться к тому, что рядом, даже если этот рядом — хриплый, грязный верблюд, который застрял в яме. Не нужно искать волны в космосе, когда жизнь пульсирует прямо под твоими лапами.

Эльза-Панда и Ледяной Лабиринт

Часть 1. Бамбуковый рай и тоска по стуже

Бамбуковый рай, в котором родилась и выросла Эльза, был совершенен. Он простирался на десятки миль вдоль восточного склона Туманных Гор, где вечнозеленые стебли достигали высоты сорока футов, а их листья шелестели так мелодично, что этот звук можно было слушать веками. Здесь всегда царила мягкая, ласкающая прохлада — не жара, но и не холод. Воздух был влажным, пропитанным запахом молодых побегов и влажной земли, а солнечные лучи, пробиваясь сквозь зеленый шатер, рисовали на лесной подстилке золотистые узоры, похожие на кружева.

Для любой другой панды этот рай был бы пределом мечтаний. Толстые, сочные стебли бамбука хрустели на зубах, давая сок, который утолял жажду лучше любого ручья. Вокруг сновали стаи красных панд, чирикали птицы-носороги, а бабочки с крыльями, переливающимися всеми оттенками изумруда, садились на черно-белые бока Эльзы, принимая ее за огромный, странный цветок.

Но Эльза тосковала.

Она тосковала по холоду. Эта тоска возникла не вдруг. Она созревала в ней постепенно, как кристалл соли в перенасыщенном растворе. Эльза помнила то чувство с самого детства. Однажды, когда она была еще совсем крошечным, пушистым комочком, ее мать увела ее к самой вершине Туманных Гор, где снег лежал даже в середине лета. Мать сказала: *«Смотри, дочка. Это — вода, которая уснула. Она видит сны о зиме»*. Эльза тогда коснулась лапой белого порошка и вздрогнула не от холода, а от восторга. Ей показалось, что снег поет. Тоненько, высоко, на частоте, которую слышат только дети и очень одинокие сердца.

С тех пор Эльза стала чудачкой в своей общине. Пока остальные панды искали самые сочные заросли у реки, она забиралась в самые высокие, продуваемые ветрами расщелины, где на камнях лежал тонкий слой инея. Она собирала его на свою черно-белую шерсть, и шерсть покрывалась крошечными ледяными бусинками, которые сияли на солнце как бриллианты. Другие панды смеялись над ней, называли «Безумной Снежной» и говорили, что она испортит себе желудок холодным бамбуком.

Но Эльза не слушала. Она была одержима. Она мечтала о формуле идеального снега. О том самом снеге, который не тает, не превращается в противную мокрую кашу при первом же прикосновении тепла. О снеге, который хрустит под лапами так звонко, будто тысячи стеклянных колокольчиков разбиваются о мрамор. О снеге, который можно было бы слепить в шар и он сохранял бы свою форму вечно.

Она проводила часы, экспериментируя. Смешивала воду из разных ручьев: один был соленым, другой — известковым, третий — с примесями железа, отчего вода казалась ржавой. Она морозила эти жидкости в тени огромных валунов и сравнивала кристаллы. Но все было не то. Снег получался либо зернистым, как песок, либо слишком липким, либо, наоборот, рассыпался в ледяную пыль, стоило до него дотронуться.

Единственным, кто не смеялся над Эльзой, был Свен.

Свен был ленивцем. Он появился в бамбуковом раю много лет назад, сбегав от назойливых туристов из зоопарка, и нашел приют в развилке старого, векового бамбука, который рос прямо в центре пандовой территории. Ленивец был неуклюжим, вечно сонным и двигался со скоростью растущего сталагмита. Его морда всегда казалась улыбающейся из-за странного изгиба рта, а когти были такими длинными и кривыми, что он цеплялся ими за ветки даже во сне.

Свен получил свое имя в честь северного оленя, которого Эльза однажды увидела на картинке, принесенной ветром из человеческого лагеря. Ленивцу было все равно. Ему было

все равно на погоду, на бамбук и даже на хищников, потому что он был слишком медленным, чтобы убежать, и слишком безобидным, чтобы на него охотиться. Но он слушал Эльзу. Он часами висел на своей ветке, свесив голову вниз, глядя на панду своими круглыми, чуть нависшими глазами, и внимал каждому ее слову.

— Свен, — говорила Эльза, размахивая лапой, на которой блестела капелька только что вымороженной воды, — ты чувствуешь этот запах? Это запах чистого холода. В нем нет сырости. Он резкий, кусачий, как запах металла после дождя. Я знаю, что где-то в глубине этих гор есть место, где холод не просто температура, а живое существо. Где лед дышит.

Свен медленно, очень медленно моргал, что у него означало глубокое согласие. Он не отвечал, потому что говорить было слишком энергозатратно, но Эльза читала ответ в его глазах: «Верю. Иди. Я подожду».

И вот однажды, когда луна вошла на небо серебряным шаром, который, казалось, был выкован из куска самого чистого льда, Эльза приняла решение.

Часть 2. Спуск в Мерзлоту

На северной оконечности бамбукового рая, там, где бамбук начинал редеть, а земля покрывалась мхом и лишайником, зияла расщелина. Местные панды обходили это место стороной, называя его «Глоткой Дракона», потому что по ночам из него вырывался пар — теплый, странный, как дыхание чудовища, спящего в недрах земли. Но Эльза знала правду. Она провела множество бессонных ночей, изучая дышащие потоки. Она заметила, что холодный воздух, наоборот, *засасывался* в эту расщелину, как вода в водоворот. Это было не дыхание зверя. Это было дыхание ледника.

— Я спускаюсь, — сказала Эльза Свену, стоя у входа в расщелину.

Ленивец сидел на корточках у входа, укутавшись в собственные руки. Он только что съел порцию листьев и чувствовал, как сонливость тяжелой волной накатывает на него. Его веки опускались, словно занавеси в древнем театре.

— Свен, ты меня слышишь? — Эльза потормошила его за плечо. — Ты должен сидеть здесь и не впадать в спячку до моего возвращения. Я буду передавать тебе сигналы. Удары о лед. Если услышишь три быстрых удара — это значит, я в порядке. Если услышишь один долгий удар — значит, я в беде. Если услышишь, как я зову тебя по имени... ну, просто проснись.

Свен моргнул. И это было его обещанием. Но Эльза знала, что у ленивцев есть одна особенность: их организм переходит в энергосберегающий режим даже при легком ветерке. Стоило температуре упасть на пару градусов, как их метаболизм замедлялся до полного оцепенения. Именно это и произошло через пять минут после того, как Эльза скрылась в черной пасти расщелины.

Холод, который шел из глубины, ударил Свену в морду, и его тело, подчиняясь древнему инстинкту, буквально *выключилось*. Он свернулся клубком, обхватил голову когтистыми лапами и замер. Он не спал в привычном смысле этого слова — он погрузился в состояние анабиоза, когда время перестает существовать, а сознание сворачивается в точку.

Эльза же спускалась все глубже. Каменные ступени, выточенные водой тысячелетия назад, вели ее в самое сердце горы. Сначала стены были просто влажными, темными, исцарапанными следами древних животных. Но чем ниже она спускалась, тем больше менялся камень. Он становился гладким, словно его отполировали наждаком. А потом на стенах начали появляться голубые прожилки — тонкие, извилистые линии, похожие на вены под кожей. Они пульсировали слабым фосфоресцирующим светом, создавая иллюзию, что Эльза спускается внутри огромного живого организма, в кровеносную систему спящего титана.

Она сделала последний шаг, и пол исчез под ее лапами.

Эльза провалилась в пустоту, но не упала. Ее шерсть распушилась, создав подобие парашюта, и она мягко приземлилась на ледяную поверхность, которая оказалась на удивление теплой на ощупь. Или, точнее, не болезненно-холодной, а приятно-бодрящей. Она огляделась.

Она стояла в зале, стены которого были сложены из абсолютно прозрачного, как стекло, льда. Но лед этот был необычным. В его толще, на глубине нескольких метров, Эльза видела странные фигуры: застывшие цветы, которых никогда не существовало на поверхности — с бутонами, похожими на звезды; застывшие перья птиц, каждая бородашка которых была видна с ювелирной точностью; и чьи-то скелеты, слишком большие для любого зверя, которого знала Эльза.

Это была Пещера Вечной Мерзлоты. Эльза чувствовала это каждой клеткой. Воздух здесь был настолько чистым и холодным, что он не щипал горло, а, наоборот, пропитывал тело энергией. И в центре зала, на пьедестале, вырезанном из цельного куска льда, лежала книга. Старая, с кожаной обложкой, которая от мороза превратилась в камень. Книга, в которой, как догадалась Эльза, была записана та самая *формула идеального снега*.

Эльза шагнула к книге, но стоило ей занести лапу над обложкой, как лед под ней начал меняться. Он треснул, и из трещины выросло огромное зеркало — выше любой панды, выше самого высокого бамбука. Оно было темным, как ночное небо без луны. Но когда Эльза посмотрела в него, она увидела не свое отражение.

Она увидела пустоту.

Часть 3. Зеркала Страха

Зеркало показало ей нечто ужасное: она стояла одна. Совсем одна. Вокруг нее простиралась бесконечная снежная равнина, на которой не было ни следа, ни ветки, ни звука. Только белый, ослепительный снег, который не отражал свет, а поглощал его, создавая какофонию тишины. Эльза смотрела на свое отражение, которого не было, и понимала — это та самая участь, которой она так боялась. Ее страсть к холоду была не просто любопытством. Это была маскировка. За ней прятался панический ужас: а что, если она настолько одержима снегом, что однажды он станет ей единственным домом? Что, если она застынет в этом одиночестве, как те цветы и птицы в толще льда, и никто никогда не найдет ее?

— Нет, — прошептала Эльза. — Ты лжешь. Я не одна. Свен меня ждет.

Но зеркало не слушало. Оно показывало ей новую картинку: Свен, свернувшийся у входа, впавший в летаргию. Его шерсть покрыта инеем. Он не просыпается. Эльза кричит, колотит лапами по его спине, но он не двигается. Он превращается в статую. Такой же, как те, что Эльза видела вокруг.

Эльза закрыла глаза, но зеркало проецировало образы прямо в ее веки. Она видела свою мать, ту самую, которая показала ей первый снег. Мать старела, ее шерсть седела, и она уходила в горы, растворяясь в метели. Эльза пыталась догнать ее, но ее лапы примерзали к земле, и каждый шаг отрывался с кусками собственной шерсти.

— Убейся! — взревела Эльза. — Ты лживый кусок стекла!

Она размахнулась и что было силы ударила кулаком по центру зеркала. Звук был оглушительным — звон, похожий на колокольный набат, разнесся по пещере, заставляя ледяные stalactites дрожать и позвякивать, как сотни тысяч маленьких колокольчиков. Зеркало разбилось на тысячу осколков, но вместо того чтобы исчезнуть, каждый осколок стал новым зеркалом. Они окружили Эльзу плотным кольцом. И в каждом из них она видела себя — одну, замерзшую, обреченную.

И тут она почувствовала боль. Острая, горячая боль пронзила ее правую лапу. Эльза посмотрела вниз и увидела, что один из осколков вонзился прямо в подушечку ее пальца. Из раны сочилась кровь — ярко-алая, почти оранжевая на фоне стерильно-белого льда. Капли падали на пол и застывали, превращаясь в рубиновые шарики. Боль была такой сильной, что у Эльзы на миг перехватило дыхание. Она забыла про зеркала, забыла про книгу, забыла про формулу идеального снега.

Она закричала.

Крик этот был не громким, скорее жалобным, похожим на вой раненой волчицы. Но в зале изо льда, где каждый звук отражался и усиливался в сотню раз, этот крик пролетел сквозь лабиринт, прошел через ледяные коридоры, поднялся по каменным ступеням и вырвался наружу, в ночь.

Часть 4. Санки из ленивца

Свен не слышал мир. Он был глубоко внутри себя, в темном и теплом коконе собственного организма. Но звук — тот самый пронзительный плач, который был не просто громким, а *эмоционально-заряженным*, — проник сквозь его оцепенение. Он не воспринимал его как звук. Он воспринимал его как вибрацию, которая прошла через его когти, через кости, достигла самого центра его крошечного мозга.

Сердце Свена, которое билось с частотой два удара в минуту, вдруг пропустило такт. А потом еще один. И еще.

Эльза.

Имя, которое он слышал сотни раз, не было просто набором слогов. Это был сигнал тревоги. Это был призыв, который был сильнее инстинкта самосохранения. Свен открыл глаза. Его веки были склеены холодом, и он с усилием разлепил их. Мир перед ним плыл, но он видел черную дыру входа в пещеру.

— Эль-за... — выдохнул он. Это слово растянулось на три секунды.

Ленивец начал двигаться. Это было мучительно медленно. Он спустил одну лапу с другой, переставил заднюю ногу, оперся на хвост. Каждый миллиметр движения давался ему с трудом, но внутри него горел странный, неестественный для ленивца огонь. Свен двигался не к еде, не к теплу, а к звуку.

Он вошел в пещеру. Стены сузились, пол пошел под уклон. Свен сползал вниз животом, цепляясь когтями за неровности камня, сдирая кожу на животе. Через десять минут он добрался до первых ледяных ступеней. Они были скользкими, как масло. Свен шагнул на них, и его задние лапы тут же разъехались в разные стороны. Он повалился на спину, беспомощно барахтаясь, как перевернутая черепаха.

В этот момент из глубины снова донесся плач Эльзы, смешанный со звоном разбиваемого стекла. Свен застонал. Он не мог подняться. Пол был настолько ледяным, что его когти не находили сцепления. Он отчаянно перебирал лапами, но это лишь заставляло его скользить все дальше вниз, к ледяному лабиринту, но совершенно беспорядочно, как брошенный камень.

Эльза тем временем, зажав раненую лапу между зубов, пыталась остановить кровь. Зеркала исчезли так же внезапно, как и появились — стоило ей перестать на них смотреть, они растаяли, превратившись в лужу воды, которая тут же застыла, образуя новый, девственно чистый лед. Она стояла посреди зала и не знала, куда идти. Книга с формулой валялась у ее ног, но Эльза больше не хотела ее открывать.

— Свен... — всхлипнула она, даже не надеясь, что кто-то услышит.

И тут она услышала его. Сначала странное шипение — это его когти скребли по льду. А затем она увидела его: Свен влетел в главный зал на спине, совершенно беспомощный, вращаясь, как юла, и с выражением непередаваемой паники на своей вечно улыбающейся морде.

— Свен! — закричала Эльза и, забыв про боль, бросилась к нему.

— Я... я... — попытался сказать ленивец, но его зубы стучали от холода.

Эльза попыталась схватить его за лапы, чтобы остановить вращение, но лед был слишком скользким. Она сама поскользнулась и повалилась рядом с ним. Они оба оказались на полу, в центре зала, где стены были настолько гладкими, что не за что было зацепиться.

Свен смотрел на раненую лапу Эльзы. Кровь уже не текла, но шерсть вокруг была склеена в красные сосульки.

— Тебе... больно, — выдохнул он.

Эльза кивнула. Боль была острой, но еще острее было чувство вины. Она затащила его сюда. Она оставила его на холоде. Она чуть не погубила единственного друга.

В этот момент у нее в голове что-то щелкнуло. Нет, это не озарение. Это был физический толчок. Она вдруг осознала, что её тело, выросшее в условиях влажного бамбукового рая, совсем не приспособлено к такому льду. Она вообще-то панда. Она должна жевать бамбук, а не изучать кристаллографию. А Свен — ленивец. Он должен висеть на дереве и спать, а не участвовать в арктических экспедициях.

И тут она поняла. Секрет идеального снега был не в формуле. Секрет был в движении.

Она посмотрела на лед под ними. Он был гладким, как зеркало. Каким-то образом, благодаря ее «холодному дару», она притягивала к себе самые скользкие формы льда. Это был не магический дар, а, скорее, физическая особенность: ее шерсть выделяла особую смазку, которая делала поверхность вокруг нее фантастически скользкой. Именно поэтому она чувствовала себя так комфортно на льду, пока другие падали.

— Свен, — сказала она неожиданно твердо, — ложись на живот и вытяни лапы.

— Зачем? — испуганно спросил ленивец.

— Доверься мне! Ты — сани.

Эльза подошла к Свену сзади и с силой толкнула его. Свен, как на санках, со свистом понесся по ледяному полу. Он пролетел через весь зал, врезался в стену, но не пострадал — его толстый мех смягчил удар. Он развернулся и, как по инерции, поехал обратно.

— Теперь я! — крикнула Эльза.

Она разбежалась и прыгнула прямо на спину Свену. Ленивец охнул от тяжести, но лед под ними засветился голубым. Эльза вытянула лапы и начала управлять направлением — левым ухом влево, правым — вправо. Она превратила своего друга в невероятное транспортное средство. Они мчались по коридорам лабиринта, проносясь мимо зеркал, которые теперь показывали просто их размытые, счастливые тени.

Они летели вверх по ледяным ступеням, и каждый раз, когда Свен начинал замедляться, Эльза отталкивалась своей раненой лапой ото льда, подпитывая «сани» новой дозой скольжения.

И вот — свет. Ночное небо, усыпанное звездами, ударило им в глаза. Они вылетели из расщелины, как пробка из бутылки шампанского, и кубарем покатались по мху. Свен перевернулся на спину, тяжело дыша. Эльза сидела рядом, прижимая к груди свою ноющую лапу.

— Мы... мы вышли? — прошептал Свен.

— Мы вышли, — ответила Эльза. — И больше я туда ни ногой.

Часть 5. Тепло сильнее холода

Ночь была холодной, но по сравнению с ледяной пещерой она казалась парной баней. Эльза прижалась к Свену своим боком, пытаясь согреться. Ленивец дрожал, и дрожь передавалась ей.

— Ты замерз, — сказала Эльза.

— Я... всегда... замерз... — попытался пошутить Свен, но шутка вышла жалкой.

Эльза смотрела на его лицо. В свете луны он казался еще более уставшим, чем обычно. Его веки снова начали опускаться — возвращался инстинктивный сон. Эльза поняла, что если он сейчас уснет на холоде, он может не проснуться.

Она обняла его. Она обняла так крепко, как никогда в жизни не обнимала ни одного живого существа. Сначала ее шерсть казалась ледяной. Но потом, где-то глубоко внутри, в том месте, где хранится воспоминание о матери, о бамбуковом рае, о солнечных лучах и теплых дождях, Эльза почувствовала тепло. Оно начало растекаться от ее сердца по всему телу.

— Дыши, — прошептала она. — Дыши глубоко.

Она прижала свою лапу к его груди. Свен дышал — медленно, но ровно. Тепло их тел смешивалось. И, странное дело, лед, который намерз на шерсти Свена, начал таять. Капли стекали на мох, и мох оживал, становясь зеленее.

Они сидели так долго. Может быть, час. Может быть, вечность. Когда Свен открыл глаза, он не дрожал. Его тело перестало болеть. Он посмотрел на Эльзу, и в его взгляде было то самое выражение, которое она так любила — спокойное, принимающее.

— Ты... не получила свой снег, — сказал он.

Эльза посмотрела на расщелину, откуда они вылетели. Из ее глубины все еще тянуло морозом, но теперь этот мороз казался ей чужим и враждебным. Рядом с ней лежал Свен. Он был теплым, живым, реальным. Его когти царапали мох, а дыхание щекотало ей ухо. Она посмотрела на свои лапы. На той, что была ранена, лед растаял, образовав аккуратную, чистую лужицу. Эльза зачерпнула ее и замерла. В лужице, в отражении звездного неба, она увидела себя. Но не одну. Рядом с ней отражался Свен.

— Я не хочу идеальный снег, — сказала Эльза.

— Правда? — удивился Свен. — Ты столько лет его искала.

— Я искала не снег, — Эльза положила голову на плечо ленивца. — Я искала способ сделать так, чтобы этот ужасный, ледяной мир внутри пещеры не казался мне единственно прекрасным. Я думала, что если я создам вечный снег, я никогда не буду одинока. Но я была дурой. Потому что вечный лед — он мертв. Он красивый, да. Фарфоровый, голубой, хрупкий. Но он не дышит. Он не обнимает в ответ.

Она взяла его когтистую лапу и приложила к своей щеке. Когти были холодными, но Эльза чувствовала биение его пульса.

— Вот мой идеальный снег, — улыбнулась она. — Ты. Потому что ты растаял мой лед. Ты, который даже слова сказать нормально не может, ты приполз за мной в эту жуткую дыру. Ты — мое тепло.

Свен глупо улыбнулся. Он хотел сказать что-то важное, но вместо этого зевнул так широко, что чуть не вывихнул челюсть.

Эльза рассмеялась. Смех был чистым, нежным, он разносился по ночной горе, как звон бамбуковых колокольчиков.

Они не растопили весь лед в пещере. Они растопили только тот лед, что был между ними.

Эльза больше никогда не спускалась в Пещеру Вечной Мерзлоты. Она бросила свою одержимость формулой. Иногда, по ночам, когда луна была особенно яркой, она поднималась на самую высокую ветку бамбука, где спал Свен, и сидела рядом, глядя на звезды. Она смотрела на холодные, далекие огни и не чувствовала тоски. Потому что рядом кто-то дышал. Рядом билось сердце.

И она знала точно: даже самая сильная, самая чистая, самая прекрасная страсть к чему-то не стоит тепла, которое дарят близкие. Дружба — это не ледяная формула. Это живое, дышащее присутствие. Это когда кто-то ползет к тебе на брюхе по скользкому льду, рискуя разбиться, только потому, что услышал твой плач.

Эльза закрыла глаза и почувствовала, как теплая лапа ленивца тяжело, но уютно легла на ее загривок. В бамбуковом раю наступила та самая идеальная ночь, о которой Эльза даже не мечтала. Холод остался там, внизу, в фарфорово-белом лабиринте. А здесь, наверху, был свет. И любовь.

Артур-Барсук и Карта из Снов

Часть 1. Клочок кожи в старой норе

Туман был единственным, что Артур-Барсук знал с детства. Он родился в низине, которую местные звери называли «Молочной Лощиной» — потому что каждое утро, от рассвета до полудня, здесь стоял такой густой, такой плотный молочно-белый туман, что можно было разрезать его когтем, как свежий сыр. Артур привык к этому. Он привык к тому, что деревья появляются из ниоткуда за три шага до тебя, а потом исчезают так же внезапно. Он привык к тому, что звуки приглушены, что мир похож на сон, в котором всё немного расплывчато.

Артур был барсуком старой закалки. Его шерсть, чёрно-белая, с седыми прожилками на морде, хранила запахи многих нор: сырость глины, сухость корней, холод камня. Его лапы были широкими и сильными — идеальными для копания, но он копал не для того, чтобы искать пищу. Он копал для того, чтобы искать прошлое.

Потому что Артур был коллекционером. Не коллекционером блестящих вещей, как сорока, и не коллекционером еды, как белка. Он коллекционировал истории. Запахи. Ощущения. Он находил старые норы, покинутые много лет назад, и пытался понять, кто там жил, о чём мечтал, куда ушёл. Каждая нора была для него книгой, которую нужно было прочитать. Иногда он находил обрывки шерсти, иногда — погрызенные кости, иногда — странные предметы, которые звери приносили из человеческого мира: пуговицы, монеты, осколки стекла.

В тот день он копал глубже обычного. Нора, которую он нашёл, была старой, очень старой. Она пахла не так, как другие. В ней пахло не смертью и не забвением. Она пахла снами. Так странно и необычно, что Артур на мгновение остановился, принюхался, и ему показалось, что он слышит далёкий колокольный звон, хотя никаких колоколов в Молочной Лощине не было отродясь.

Он разрёб последний слой спрессованной земли и нащупал что-то мягкое. Не шерсть. Не мох. Кожа. Старая, выдубленная, с шершавой поверхностью, на которой что-то было нарисовано. Артур вытащил находку наружу, в серый свет туманного утра, и развернул её.

Это была карта.

Но не та карта, которую он видел раньше. Обычно карты были статичными: реки, горы, тропы, отмеченные крестиками или точками. Эта карта была другой. Линии на ней не были чёткими. Они пульсировали. Чёрные, чуть поблёскивающие чернила то расплывались, то собирались в новые очертания. Артур смотрел на карту, и она менялась прямо у него на глазах: сначала там была широкая дорога, ведущая к заливу, потом дорога сузилась до тропинки, потом тропинка свернула в лес, а потом исчезла вовсе, уступив место пунктирной линии, которая бежала прямо через болото.

— Что за... — прошептал Артур.

Он перевернул карту. На обороте было написано тонким, изящным почерком, который, казалось, тоже двигался, перетекая с буквы на букву:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.